

СЕРГЕЙ ХОДОСЕВИЧ

ПРИЗРАК МЕТРОПОЛИТЕНА

Сергей Ходосевич

Призрак метрополитена

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Призрак метрополитена / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963642-3

Тревожный сигнал из кабины машиниста, свет фар, тяжелый удар зеркалом поезда в висок, боль во всем теле и темнота... Темнота и тишина! Словно легкий воздушный шарик, я воспарил куда-то ввысь, и ветерок потащил меня в тоннель, где только что скрылся поезд. Но если есть шарик, то у него должна быть и ниточка. И вот эту самую ниточку кто-то крепко держал и запрещал мне полет в никуда. Вспышка красного цвета, затем зеленого... Опять красного! И с высоты потолка станции я увидел свое бездыханное тело. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-963642-3

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Призрак метрополитена	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Призрак метрополитена

Сергей Ходосевич

© Сергей Ходосевич, 2019

ISBN 978-5-4496-3642-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Призрак метрополитена

Поезд метро уже сверкнул фарами в темном тоннеле, когда стоящие почти рядом со мной два молодых парня и девушка затеяли драку между собой.

Что то крикнув оскорбительное девице с внешностью фотомодели один из них наотмашь ударил ее кулаком по лицу. Второй юноша мне показалось был. сильно пьян. Он не стал делать внушение не джентльмену, что ударил красотку, а ударил друга сначала в плечо, а затем слегка подпрыгнув нанес удар ногой в живот, отчего сам тут же упал на облицованный мрамором пол. Один из ребят, схватил мощный удар, словно мячик отлетел в старушку с палочкой и стал падать спиной на рельсы. Сделав львиный прыжок в его сторону я успел схватить его за футболку одной рукой и отшвырнуть на лежавшего парня, который и нанес коварный удар.

Тревожный сигнал из кабины машиниста, свет фар, тяжелый удар зеркалом поезда в висок, боль во всем теле и темнота...

Темнота и тишина! Слово легкий воздушный шарик я воспарил куда то ввысь и ветерок потащил меня в тоннель где только что скрылся поезд.

Но если есть шарик, то у него должна быть и ниточка. И вот эту самую ниточку кто то крепко держал и запрещал мне полет в никуда. Вспышка красного цвета, затем зеленого... Опять красного! И с высоты потолка станции я увидел свое искромсанное поедом бездыханное тело. Сотрудники полиции и санитары запикивали различные части меня в специальный мешок и жутко чертыхаясь. Молоденький сержант, которого сильно тошнило, произнес что то типа прощального слова: Гребаный мудила! Не мог упасть на полчаса позже, когда закончится моя смена. Царствие, тебе небесное! Но в этот момент я услышал басовитый голос, видимо того, кто удерживал ниточку: Какое царствие! Он еще не выполнил свою миссию.

Немного повертевшись во все стороны я увидел сидящего на корточках небольшого, грузного старикашку в весьма странном для жаркого лета, одеянии. Дедушка с козлиной бородкой, обнаженные части тела которого просвечивались насквозь, был одет в серое драповое

пальто по моде 60-х прошлого столетия, осенние лакированные черные ботинки, серые брюки и шляпу с короткими полями. Посмотрев пристально на меня он поднял свою правую руку и что-то прошептал. Видимо это было что-то магическое, потому что воздушный шарик оказался перед его глазами и стал расти в размерах, постепенно приобретая формы того себя, живого, правда такого же прозрачного, как и этот странный тип.

Как звать, спросил он. Почему-то задумавшись я ответил, что был Вадимом. Дед снял шляпу, причесал ладонью лысину и протягивая мне руку сказал: Илья Кузьмич я, но или просто Кузьмич.

И тут же взяв меня под локоть потащил к началу перрона. Мы прошли с ним сначала через одну стену, затем через другую и вскоре оказались в темной, забитой хламом, комнате. Указав мне рукой на старый диван обладатель остроконечной бородки отпустил мою руку и заявил: Обвыкни с недельку! Покатайся на поездах, пошали в свое удовольствие, пока я все согласую с верхами. А там посмотрим! Да и помни, что через месяц приедет Анна!

Анна, это моя невеста! Она уехала на месяц к родственникам в Беларусь! Но откуда он это знает! И...И куда он делся! Несколько минут я касаясь углов тесной комнаты звал деда, натываясь, но не ударяясь об всякую утварь. Но тщетно. Кузьмича нигде не было.

Раздосадованный этим я лег на диван и даже не имея в своем теле никаких костей, ощутил выпирающие из него пружины одного не мог уснуть. А когда уснул, то увидел радужный цветной сон из своего детства. Солнце слепило мне глаза, а я летал под самые облака на старых качелях, возле колодца дома в деревни, своей бабушки. Я катался и хохотал, как сумасшедший.

Осторожно, двери закрываются! Следующая станция Кантемировская! – знакомое до удачи объявление, доносившееся с платформы «Царицыно», прервало мой сладкий сон. Я потянулся, подскочил с дивана, словно в меня вселился бес и побежал в том направлении откуда мы пришли с Кузьмичом. Пройдя через стены я очутился на станции. Часы показывали 7.59, час пик на зеленой ветке. Уйма народу на перроне, толчея и в вагон влезть хотят обязательно все. Не знаю, но раньше подобная картина не забавляла меня... Похлопывая всех, кто встречался по плечу и понимая, что они ощущают мое прикосновение, но не видят меня я чувствовал себя всемогущим и безнаказанным. Дав пинка какому-то жирдяю, что никак не мог втиснуться в переполненный вагон и похоронив этим его надежду уехать именно на этом поезде, сам проскользнув в вагон, через уже закрывшиеся двери, не понимая зачем я ущипнул за мягкое место какого-то старикашку, работающего локтями и пробиравшегося к противоположным дверям, видимо с целью выйти на Каширке я остановился возле роскошной девицы с бюстом шестого размера. Растолкав народ, кого толчками, кого щипками я положил ей свои руки на плечи. Девушка, уткнувшись в телефон никак на это не отреагировало. Это раззадорило и взбесило меня. Спустив руки с плеч я обхватил ее большие груди и принялся массировать. Ха, мне повезло! Бюстгальтера тут конечно не было. Увлечшись этим безобразием, я уже не гладил, а пощипывал ее соски. Девушку закрыла глаза и подняла свою симпатичную мордочку вверх. Одна моя рука осталась на груди, а другая гладила все ее участки тела. Ее губы чувственно дрожали, а со стороны это выглядело будто роскошная девица читает самозабвенно молитву.

Тут вагон резко дернулся и довольно хилый интеллигент отправил мою сущность своим рюкзаком на колени к кавказцу. Сидеть верхом на мужике не доставило мне удовольствия и словно ребенок я пополз к центру сидения, где сидела чудная блондинка в короткой юбке. Усевшись на колени к ней, чем видимо доставив неудобство, так как она своей сумочкой, словно лопатой, пыталась удалить с себя то, что внезапно стало мешать, обмахивая себя планшетом, словно веером. Спустившись с ее колен и усевшись на корточки между ее ног руками я попытался раздвинуть ее чудные ножки, чтобы дотянуться рукой до ее голубеньких трусиков. И кажется мне это уже удалось. И кончики моих, невидимых для нее, пальчиков дотронулись до мягкого материала ее танго, как я увидел его...

Потупленный, стеклянный взгляд. Какая отрешенность и холод, которые исходили от него заставили меня оторваться от развлечения с девушкой. Проходя напропалую через разгоряченные в толпе тела я встал у него за спиной. От него, как от не настроенного на волну радиоприемника, исходил белый шум. Тупо уставившись в свое отражение стекле он жаловался сам себе на жизнь. Да-да, я отчетливо слышал его мысли: Собрала она чемоданы! А я, блядь не Господь Бог и даже не депутат Госдумы. Ипотека! Кредит просрочен! Долги! Кругом одни долги! Было 30 000 дохода и тех теперь нет! Работа накрылась медным тазом! Кому нужен работник не вылезаящий из онкологического центра... Жизнь – дерьмо! Я сволочь, что не может ответить взрослому сыну, почему мы так живем... И коллекторам я тоже ничего не могу ответить.

Он заканчивал разговор, на пару секунд останавливался, видимо, чтобы отдышаться и начинал снова, каждый раз сгущая черные краски. Так он бухтел в своих мыслях до самого «Сокола». Там он вышел из вагона и произнес полушепотом: «Аллес» стал подниматься по лестнице в центре зала. Я неустанно следовал за ним. Именно в тот момент, когда он замер у перил своеобразного мостика, в ожидании поезда, чтобы скользнуть перед ним вниз, собрав всю свою энергию воедино, я звезданул его с размаху по шее, отчего он обернулся. Поезд уже вышел из туннеля и возможно этому парню оставалось жить считанные секунды. Но тут, как из-под земли возник Кузьмич, что положив ему свою руку на плечо тихо сказал: Господь с тобой! Ты еще нужен этому миру.

На лице у самоубийцы навернулись слезы. Быстро смахнув их по-мужски кулаком он направился к выходу в город через турникеты. Кузьмич махнул мне рукой, призывая идти за ним, поспешил за мужчиной.

Только, что желавший покончить с собой прямиком направился в церковь, что была у самого метро. А Кузьмич сняв свою шляпу улыбаясь сказал ему вслед: Ну вот этот нашел свой истинный путь, а потом повернувшись ко мне, не скрывая иронии пожурил: А, ты молодец! Я то думал так и будешь отведенную для знакомства неделю баб по вагонам щупать, а ты назначение сразу понял. Как, ты ему, дураку, по шее то отвесил. Это ведь так не каждый живой сможет! А, ты все-таки дух! И привыкай к этому!

Постояв еще немного возле церкви мы прошли к лавочкам возле входа в метрополитен и долго молча сидели наслаждаясь этим бранным грешным миром. Думаю, что мы бы так долго сидели и смотрели то на небо, то на переставших, в бурный двадцать первый век, спешить москвичей, если б со стороны старой пожарки вдруг не запахло серой. Я обернулся и увидел похожего на нас человека, в белоснежной рубашке и черном смокинге. Увидев Кузьмича и встретившись с ним взглядом этот человек замер, глаза его налились кровью и он обернулся черным вороном, что на лету успев нагадить нам на головы влетел сквозь тяжелые двери этой станции во внутрь.

Видишь ли Вадим! – обратился ко мне мой спутник, – я самый старый белый дух метрополитена. Под свое покровительство я беру подобных себе. А это Колян Измайловский, самоубийца, которого никто не отговорил от нехитрого дела... Его тоже, как и нас не отпускает метрополитен, но у него обратные задачи. Это черный дух. Он вселяет мысли о кончине и ведет жертву к такому месту, чтоб наверняка... Мы работаем просто так, вместо земной зарплаты, позволяя себе шалости. А эти пахнут на чертей за шмотки и деликатесы. Наши с ними отношения это не война, ибо таковую с нечистой силой мы проиграем... Это, как шахматная партия, что не кончается. Вопрос не стоит так: Мы их, или они нас! Каждая нами спасенная душа – это нож в сердце черных духов, каждая не спасенная – нож в мое сердце, ибо у каждого, что со мной своя дорога и для каждого ее я заранее знаю.

– Ну и какая же дорога у меня?

– Придет время, узнаешь! А сейчас работать! А то мы чего то засиделись!

Кузьмич проводил меня в станцию и испарился. Побродив немного по вестибюлю я сел в вагон до Алма – Воинской, напротив беременной женщины. В вагоне народу было мало, шалить не хотелось и поднявшись с места я решил побродить по вагонам.

Так бредя дозором по составу и рассматривая лица пассажиров и созерцая их поведение я дошел до головного вагона, единственным пассажиром которого был заросший, зловонно пахнущий бомж. На «Динамо» в этот вагон вошли трое таджиков и миловидная дама средних лет. Крашенная блондинка около пятидесяти в белой прозрачной блузке и джинсах с дырками ниже коленки, на коленке и выше коленки. Первое, что подумалось – это то, что ее загорелые, полноватые, но стройные ноги в босоножках на тонкой шпильке смотрелись бы эффектнее без джинсов, которые просто ей были ни к чему, так как портили весь вид. Один из таджиков цыкнул языком и что то сказал другим. Те заржали. Пьяный бомж, до этого мирно спавший, открыл глаза, встал с места и покачиваясь прошел мимо меня к весело смеющимся. Я не успел понять, что сказал им бомж, но тот, что цыкал языком, отмахнулся газетой и еще больше заржал. Потербив свои с год нестриженные кудри, бомжара уселся им на колени и взглянул на меня.

Только тут я увидел, что бомж не бомж, а такой же как я, дух, призрак. Но он же был видимым несколько минут назад... Как это он делает?

Я решил подойти поближе, к воротящей носы от неведомого запаха, еще больше развеселившеца троице и решительно пошел вперед... И тут опять услышал белый шум, который исходил от женщины в рваных джинсах, что вела себя весьма странно. Улыбаясь широко во весь рот таджикам она подошла вроде как к ним и уставилась в схему метрополитена. Ребята видимо отпускали шутки в ее адрес на своем языке и палялись на диву.

Двери на Белорусской открылись, в вагон вошла женщина с ребенком и бабушка – божий одуванчик. Мадам резким движением хватанула дорогую мобилу у одного из ребят и пулей рванула к дверям. Но бдительный бомж держал ее своими руками. Воровка в экстравагантной одежде осталась на платформе за закрытыми дверьми вагона. А мобила на изумление ребят и других пассажиров зависла в воздухе, оставшись в вагоне перед самыми дверьми. Потом плавно и медленно она опустилась на пол.

Так выглядела картина для пассажиров. Я то видел, как бомжик выцарапал ее у дамочки и показывая ей, зная что она его не видит, словно в витрине магазина.

На-ка дескать, выкуси! – и положил бережно на пол.

А ведь тебя принял за живого, дружище! – хлопая коллегу по плечу, сказал я мерзко пахнущему призраку.

Так, я и был живой и был видим, пока не вошли эти! – ответил бомж и покинул вагон через стены, прихватив оставленные пожитки. Я последовал его примеру. Мы парили, словно птицы, медленно и плавно в темном тоннеле под самым потолком и продолжали беседу:

– Как ты это делаешь? То видим, то невидим! – задал вопрос я

А бомж покачивая головой ответил, что и сам не знает...

– Наверное от этой хрени, вкусных палочек, что дают по ночам черти

– Так ты из черных духов?

– Я был бомж и им останусь и в этом измерении. Я не черный, так как не творю зла и я же не белый, ибо не привык творить добро бесплатно... Я сам по себе!

Под нами появился следующий поезд. И бомж пригласил меня пошалить вошел через крышу в один из средних вагонов. Я последовал за ним, но мой сильно пахнущий друг велел мне находиться с другой стороны и держаться возле окна у которого он встанет. На Маяковке именно в вагон с бомжом вошли то ли китайцы, то ли японцы. На шее одного из них, на ленточке висел фотоаппарат Nikon с большим телеобъективом. Бомж улыбнулся мне через стекло и снял фотоаппарат с иностранца и на вытянутой руке через стекло протянул мне. Пассажиры оживились и стали тыкать пальцами в фотоаппарат за закрытым стеклом. Растерянный интурист не веря своим глазам со слезами на глазах начал царапать стекло, вместо того, чтобы

открыть форточку и протянуть за ним руку. Но тут бомж выхватил вещь у меня из рук и вернул на шею китайца, а может корейца, приглашая меня войти в вагон.

Едва проникнув внутрь и встав рядышком с владельцем фотика, я услышал снова белый шум. Бомж попросил меня обернуться. Повернув то, что все таки трудно назвать головой я увидел всю ту же мадам в рваных джинсах. На этот раз ее целью был фотоаппарат иностранца или его бумажник, что небрежно торчал из его заднего кармана.

Слышь, братан, я видел тут утром, как ты с женским полом управляешься Поработай-ка с ней, а я постараюсь проучить.

— сказал коллега-бомж и подмигнул.

Нет, ну тетенька то при формах и сделана то природой идеально. Почему бы и нет. Усевшись на ее голые колени, осторожно растегнул одну пуговичку на ее сорочке я запустил ручонку под лифчик, другой рукой я начал теревить мочку ее правого ушка, прижимая то место, где у меня должны быть губы к ее пухлым губам. В глазах воровки я прочитал панику и полное непонимание того, что с ней происходит, но ей это дико нравилось... Бомж сел рядом, отстегнув с кофточки старушки английскую булавку. Выбрав подходящий момент он кольнул мадам булавкой в бедро и что то бросил под ее задницу, когда та подскочила с места, сбросив меня с себя. Когда она приземлилась на сиденье, в вагоне распространился запах дохлой кошки и общественного туалета, вместе взятых. Воровка в рваных джинсах вскочила с места, как ошпаренная. Все ее мягкие прелести сзади были цвета кала и что то текло по ее ногам. Мой коллега давно исчез из вагона. А я ничего не мог с собой поделать давась от смеха. Едва только открылись двери на Театральной сотрудницы полиции вошедшие в вагон взяли нашу воровку- неудачницу под белые ручки. Кто то из пассажиров сообщил по громкой связи о творящемся безобразии в вагоне.

И лишь поезд тронулся вместо бомжа в нем появился Кузьмич. В гневе он был страшен: Схватив меня за горло, ну или за то место, где оно должно быть и посылая меня на все известные буквы и крича статьи какого то параграфа, которые, если перевести на русский, с языка для очень умных, гласили: Воин братства белого духа не имеет права издеваться над людьми и демонстрировать им фокусы из разряда фокусника Сафронова. Можно шалить, но нельзя портить имущество людей...

Далее проследовал еще более длительный монолог про фотоаппарат, что не работает у иностранца и джинсы, что уже даже и бомж не оденет.

Отпустив мое горло Кузьмич исчез из вагона, велел мне следовать до Царицыно, где меня ожидает карцер.

Чего то мне стало не до людей! Уютно пристроившись в уголке на чемоданчике на колесиках семейной пары, что наверняка следовала до Павелецкой или Домодедовской, и неожиданно для себя уснул. Проснуться не по своей воле мне пришлось все же на Павелецкой. Хозяин чемодана бодро схватил его и потащил к выходу. От чего я опрокинулся и шмякнулся на пол. Прямо на живот мне острой шпилькой изящной туфельки наступила девочка подросток, а собирающаяся в вагоне нищенка с табличкой: «Помогите на билет На обратна дорогу» проехала по мне сумкой на колесиках. Мне бы подняться к потолку, но подумалось, что, дремать там будет неудобно, к великой своей радости я увидел свою утреннюю пышногрудую девушку, к которой уселся на колени откинув голову на ее плечо, зная, что теперь меня не по беспокоят до нужного мне места.

Открыв глаза в полупустом вагоне за полминуты до Царицына я поблагодарил за кров девушку нежным поглаживанием по ее губам, а когда та поднялась ущипнул ее за попу и не дожидаясь мощной пощечины, что досталась от нее подростку лет шестнадцати вышел, как и все через дверь.

На перроне меня уже ждали поникший в лице бомж и все еще, прибывающий в ярости, Кузьмич.

А также длинноногая рыжая бестия в серых обтягивающих джинсах и сапогах-ботфор-тах, несколько похожая на Джулию Робертс.

Следуйте за Магдой, арестанты! – недовольно промычал главный среди белых духов и как всегда растворился в воздухе. Магда одела нам на шею, что то типа галстуков и мы молча побрели за ней. Выйдя со станции в город мы подались к железнодорожной платформе и остановились возле бетонной стены. Наш конвоир приложила к ней руку и мы все трое оказались в узкой пустоте стены. «Не шалите, мальчики! – задорно пропищала Магда на прощание и тем же способом вышла наружу. Места стало немного побольше! Но вот запах! Провести неизвестно сколько времени с этим вонючкой. И чего меня угораздило с ним связаться!

– Это все, ты виноват – заявил я коллеги, на что тут же получил жизнеутверждающий ответ: Молчи, дурень! Выгоды своей не понимаешь! Дисциплина дисциплиной, а ключик то от стеночки вот он! – и бомж указал на свою голову, а затем радостно взвизгнул: Ох, и покутим мы с тобой этой ночью! У меня в Бирюлево – Товарном домовая-кутила в корешах, он нам дверцу в хату любой сонной бабенки откроет. Но сначала к чертям на месте бывших палаток, возле метро.

Если честно, то я не понял о чем он. Да и ночь то собственно еще не скоро, ведь из метро мы вышли десять минут первого, шли не более десяти минут... Полдень в разгаре!!!

И чтобы хоть как то не замечать бетонную пыль в нашей камере, я привалившись к стене решил немного поспать. Бомж что то сопел, форчал и даже напевал, что собственно очень способствовало сну призрака.

Как не странно уснул я быстро, а проснулся от того, что надо мной склонился бомж, пытаясь стянуть с меня тряпку-галстук. Это не просто тряпица, а новация, коснувшаяся и мира призраков. Если он на нас, то Кузьмич видит, где мы. Если нас в них нет, то он тут же поднимет тревогу и нас все равно найдут или сдадут черти, а если они на чем то... Например завязаны на камне, то нас нет, но мы вроде, но нас нет, но никто и не подумает нас хватиться – философствовал он, делая свое черное дело. Затем он поднес ладонь к стене и мы оба оказались на улице. Наконец то узнав имя бомжа, довольно красивое, Иннокентий, я подумал о том, что обязательно влипну с ним еще во что то...

Возле уже закрытого метро, где настоящие пару бомжей устроили ночлег прямо на асфальте, стояла одиноко такси и старенькая Волга с тройкой «ночных бабочек» На месте, где когда то был табачный киоск пьяная малолетка предлагала себя бесплатно за символическую плату, бутылочку вина. Запоздалые прохожие спешили на электричку, а на месте снесенных торговых павильонов соображала на троих алкашня, клянча волку у водителей, с которыми был напряг. Несколько таджиков собирали мусор в целлофановые мешки и подметали возле остановок, на лавочках которых, созерцая луну, о чем то оживленно беседовали черти, озираясь и опасаясь, что при свете уличных фонарей их увидят люди. Иннокентий робко подошел к одному из них, а потом долго расшаркиваясь перед ним, вернулся ко мне с двумя, как мне показалось стеклянными палочками. Отломай сантиметра два с каждого края, чтоб не заразиться жестокостью сразу и ешь, сказал он протягивая мне угощение чертей. Не знаю почему, но мне сильно захотелось это попробовать. Эффект был неожиданный! Это как выпить хорошего ликёра и закусить манго! Из тела исчезла аморфность, оно стало упругим и видимым, в голове шумело и трещало. Все стало в радужном свете. Мой бомж запустил руку в щиток одного из уличных фонарей и достал оттуда солидную пачку денег. Махая мне рукой он прыгнул в такси и заорал: Сынок, не опаздывай!

За такие деньги, что Иннокентий показал таксисту-азеру, тот готов был потерпеть злование в салоне и слегка морщась и постоянно оборачиваясь на меня, он молча довез нас до Бирюлево-Товарной и продал бутылку водки.

В длинном полутемном переходе к перонам электричек с выходом на угол Медынской никого кроме двух сотрудников полиции не было. У уже не работающих касс бабулька торго-

вала пирожками. Иннокентий поинтересовался: А нет ли у нее Нарзанчику. И услышав, что есть купил бутылочку.

Открыв ее он протянул мне и велел выпить половину. Я пил и эта вода лилась из меня на асфальт. Потом выпил бомж и мы стали снова невидимы. Иннокентий свистнул и из кустов покачиваясь вышел, просвечивающийся насквозь, голый гномик в одном странном чепчике на голове. Вручив гордо бутылку водки ломовому алкоголику бомж иронично спросил: А где же штанишки, ботиночки и рубашечка, Феденька! Пропил?

Хозяева – звери! Мать их. Ик-ик! Попропиолили! Оставил в ванной, стирался я! Сушить повесил! Ой, вы бы знали, что мне стоило до сушилки добраться. ...А у них там мох... Мах... Мох.. охровое полотенце висело. Продали соседям! А те на помойку выкинули! А, Федя! Федя интеллигент! Он даже за своим на помойку не полезет!... Иннокентий решил закончить длинный монолог пьяного коротышки и урезонил его лишь одной фразой: Нам бы отдохнуть Федор, а не поговорить?

Хоршо! – ответил домовой. Твой вкус Иннокентий я знаю, а товарищу худенькие или полненькие нравятся?

– Ему до фонаря! Он новенький, опять оборвал его бомж. Домовой, жалуясь на хозяев самому себе вслух довел Иннокентия до подъезда вручив Иннокентию подобие пяточка назвав цифру 25

и преградив мне дорогу, чтобы я не пошел за бомжом повел меня двумя подъездами далее вручив также монетку и пояснил: Орел-сквозняк открывающий любые двери, решка направленная на себя, включает мужика, ребро, ты видим! Пригодиться утром! Тебе в 113, правда там Славик, кроме его лярвы, но не обращай внимания. Спит, как убитый... Все будет в лучшем виде.

Я нашел указанную квартиру и открыл дверь сквозняком. Убогая однокомнатная квартира с ремонтом на скорую руку с минимумом мебели. Я вошел в спальню и сел на деревянный стульчик возле старого дивана, что обычно громко скрипят. Вот и сейчас он скрипнул, от того, что девушка лежащая лицом к мужчине, повернулась лицом ко мне и слегка откинула легкое одеяло. Что за черт?! Аня!!! Ты же уехала в Белоруссию? Что же ты тут делаешь дорогая, за месяц до нашей свадьбы.? Впрочем о чем я?

Мои мысли путались! Я закипал и я не мог простить себя за то, что попёрся сюда с этим любителем сладко спящих! Лучше б мне этого не знать!

Повернув монетку а себе ребром и погладил лицо возлюбленной. А затем я взял ее за плечо и спросил: Почему он, а не я Аня! Как же свадьба!

А-а-а! – заорала она открыв глаза – Ты же умер! Умер вчера, Вадим...

– Я уйду, если скажешь, когда приехала от родственников?

– Сегодня утром на самолете! Как только мне сообщили о гибели... С горя я нажралась у тебя дома какой то дряни из розовой бутылочки...

– Это ром, Аня!

– А потом я пошла на наше место в Биржевом переулке и там такую несчастную меня подобрал Слава и привез сюда... Мы что пили... О. боде я ничего не помню

– Он наркоман

– Нннееет! Он милый

И тут она рассмеялась, снова погружаясь в сон.

Я повернул волшебную монету, (видимо тоже изобретение чертей... Какие же они изобретательные! Прямо, как цыгане, торгующие подделками Самсунгов у вокзалов и аэропортов), вызвал сквозняк, что сорвал одеяло на пол с этой сладкой парочке и улетел, как Мери Поппинс с ветром перемен на лестничную клетку.

Спустившись вниз и пройдя сквозь дверь я выкинул монетку в кусты и побрел по ночной пустынной улице. У перехода под железнодорожной станцией уже не было бабушки с пирож-

ками, как не было и полицейских..Четверо бомжей лежали в лежку на картонных коробках и пара, а может тройка чертей кричали мне вслед, призывая откусать их деликатесы и снова вкушать все радости земной жизни. Но я не обращал ни на кого и ни на что внимание. Просто шел по направлению к станции метро

Несколько раз на шоссе меня сбивала то шальная машина с веселой компанией, то груденая фура, то шумные рокеры, но я поднимался и шел не отряхиваясь дальше.

Часы на платформах станции метро Царицыно показывали 4 часа 21 минута, когда я про- ник сквозь стеклянные двери и заорал: Кузьмич! Кузьмич!

Он отдыхает и просил не беспокоить! – раздался голос Магды за спиной. Мне надо., мне необходимо было кому то выговориться и я поведал все этой мудрой рыжей бестии, что немного не дотягивала мне по возрасту в мамы, но могла быть мне, как старшая сестра в мире людей...

Она выслушала внимательно, не разу не перебив мой рассказ о моей любви, о ночном приключении и неким Славике и сказала: Смирись с мыслью, что тебя нет в мире людей. Ты призрак. А она жива! Ей тоже больно, больно потерять тебя, но ее жизнь продолжается. Может и некрасиво, что еще не простившись с твоим прахом она залезла в койку к другому мужчине. Но живым людям свойственны слабости. Может потом они и делают об этом. Но поверь редко думают в такие минуты... А ты, призрак, что находишься между двумя мирами и обязан быть сильным! И эту силу надо доказать! Не беда, что ты перешалил с Кешой, беда в том, что ты эгоист, что все еще тянется к своему телу и лезешь в мир из которого ушел с личным. Беда в том, что не подчиняешься нашей дисциплине... Поэтому тебе нельзя быть с нами, пока либо ты не сможешь без нас, либо мы снова не призовем тебя.! Побудешь отшельником! Вылечишь свое и станешь полезен обоим мирам, как миру живых, так и миру мертвых. Метрополитен большой, сам ищи, где хочешь быть, в каком месте и с кем водить дружбу, а кого сторониться...

Магда исчезла, а я влетел в черный тоннель и полетел. В районе станции Технопарк я опустился на крышу дефектоскопического поезда и удобно расположился леда удобно вздремнув до самой Театральной. Там по переходу прошел на свою любимую станцию Площадь Революции. Рабочие мыли пол и чтобы чего не вышло я сел возле скульптуры мужика с револьвером.

Что брат, настроение поганое! И был бы ты живой, то тебе б такую штуку, как у меня в руках – проскрипел басом изображенный на скульптуре.

Как и вы призраки? – удивленный голосу спросил я

Скорее духи! Ведь любая скульптура это часть души мастера и того, кто на ней изображен, ответила также басом скульптура.

Поблагодарив матроса с наганом, образ которого был сделан скульптором с курсанта Никитенко я сел на лавочку, в ожидании первых пассажиров. Я уставился на нос скульптурного пса, что был сильно потерт. Это сильно рассмешило меня. «Лимитная» Москва шестидесятых прошлого века... Именно им, приехавших с дальних городов и сел, со своими устоями, пришла в голову мысль, что этот пес дарует счастье! К нему ходили студенты и приехавшие искатели тогдашнего рая, как в церковь к иконе. Но тогда подобное занятие с носом бедолаги могло стоить им пятнадцать суток, за порчу произведений искусства. Новая волна переселенцев в столицу в начале 90-х породило новые обычаи и нос пса стал культовым.

Но к черту пса! На станции появились первые пассажиры. А из темного тоннеля вышел, сверкающий красными глазами Колян Измайловский. Пройдя мимо меня, как бы игнорируя, он сел на корточки, возле парня – эмо, что усевшись прямо на полу возле колхозницы, уставился в планшет. Народ прибывал, а поезд задерживался...

Возле парня остановились две подобные ему девицы и начали оживленную беседу. Колян поднялся и стал что то нашептывать на ухо одной из них. Я немедленно встал и быстро двинулся к ним.

А спорим! – задорно прокричала одна из этих девиц с волосами Мальвины и побежала к краю платформы. Верни, Колян, ее назад, иначе будешь иметь дело со мной, прошипел я. Измайловский захохотал и в мгновение ока оказался возле Мальвины, ухватив ее за волосы и что то шепча тянул ее вниз. Поезд был уже близко. Понимая, что через секунду может быть поздно, сгруппировавшись и надувшись, словно мячик, я ядром пушки направил себя в Коляна и сбил его на рельсы. Мальвина хохоча осталась наверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.